

В 60-е годы наиболее ярко обнаружилась двурушническая позиция либералов. Истинные друзья народа, а прежде всего революционно-демократическая группа сотрудников «Современника», в разоблачении либералов и либерализма видели одну из своих основных задач. Борьбу с различными фракциями тогдашнего либерализма, уже сомкнувшегося с реакцией, вела редакция «Современника», образовавшаяся после приостановки «Современника» в 1862 году.

Некрасов зло высмеивал редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, который из недавнего либерала английского типа преобразился в барда махровой дворянской реакции. Некрасов направлял свои сатирические стрелы и против А. А. Краевского, журнал которого — «Отечественные записки» — считался цитаделью петербургского либерализма. Какими гневными и в то же время скорбными были его отклики на крестьянскую реформу, наперебой восхваляемую либералами. Жестоко напал Некрасов и на земскую реформу 1861 года, опять-таки превозносимую либералами, в стихотворении «Явно родственны с землей...». Нельзя подчеркнуть яснее, чем это сделано в данном стихотворении, что земство в глазах Некрасова — это только декорация, прикрываясь которой дворянство собирается уловлять мужиков в «крепостные сети».

На новые правила о печати (6 апреля 1865 года) Некрасов откликнулся рядом выдающихся сатирических произведений. Осенью и зимой 1865 года, зимой 1866 года цензурные репрессии посыпались на прогрессивную печать, как из рога изобилия. В частности, некрасовский «Современник» получил два предостережения, создавшие серьезную угрозу его существованию. Подобная ситуация вынуждала Некрасова к сугубой осторожности.

В мартовской книжке «Современника» за 1866 год его цикл «Песни о свободном слове» появился в несколько урезанном виде — без стихотворений «Осторожность» и «Пропала книга». Песни написаны в игриво-фельетонной, шутивно-юмористической манере. И это, разумеется, не случайно: Некрасов избрал эту манеру для того, чтобы сразу же дать понять читателю, что новая правительственная реформа не принадлежит к числу тех, о которых следует говорить серьезно.

«Песни о свободном слове» по своей композиции представляют нечто вроде художественно-публицистического обзора, призванного выявить, как реагируют на реформу те лица, которые имеют непосредственное отношение к печатному слову — начиная от технических работников печати (типографского «рассыльного», «наборщиков»), продолжая «журналистами» (в смысле организаторов журналов) и авторами («поэтами», «литераторами», «фельетонистами») и кончая читателями («публикой»). Всем этим персонажам наряду с индивидуальными приданы и типические черты, благодаря чему их оценка реформы позволяет сделать общие выводы относительно того, что же представляет собой пресловутая «свобода слова».

Чрезвычайно характерно, что первые места в этом обзоре отведены людям физического труда — рассыльному Минаю и наборщикам. Минай обрисован очень сочувственно. Более того, автор в своем искреннем и глубоком демократизме проводит аналогию, лишённую всякой позировки, между собой, первым поэтом своего времени, и простым рассыльным, свидетельствуя тем самым, что ему органически чуждо противопоставление людей умственного труда людям труда физического в целях возвеличения первых и унижения вторых.

Уважение к людям физического труда, проходящее красной нитью через «песню» о Минае, еще ярственнее звучит в «Наборщиках». Наборщики по своему умственному развитию значительно выше Миная: в процессе своей профессиональной работы они сталкиваются со «статьками», в которых есть чему поучиться, и усваивают «полезные идейки». В них

пробудилось сознательное и критическое отношение к окружающей действительности, а прежде всего к условиям их собственного труда. Стихотворение «Наборщики» замечательно в том отношении, что в нем прозвучал призыв к писателям, — один из первых во всей русской литературе, — изображать пролетариат и пролетарский труд.

Из последующих стихотворений цикла примечательно стихотворение «Литераторы». В сохранившемся автографе «Литераторов» имеется интереснейший вариант второй строки. Вместо слов: «Входя в какой-то магазин» — в автографе названы три фамилии: «Писцов, Дворянчиков, Кутьин». Совершенно ясно, что этими тремя фамилиями, которые пришлось выпустить по цензурным соображениям, Некрасов хотел подчеркнуть, что литераторы чиновничьего и дворянского происхождения полны либеральными иллюзиями в отношении реформы, литератор же разночинец настроен в отношении ее скептически, если не сказать отрицательно. Итак, среди «Песен о свободном слове», в особенности если рассматривать их в том составе, в котором они появились в «Современнике», «Литераторы» имеют наибольшее значение, ибо с предельной четкостью выявляют позицию автора.

Наконец, восьмое и последнее (по журнальному тексту) стихотворение цикла — «Публика» — изображает отношение к реформе той части публики, которая состоит из крайних ретроградов, узколобых и малообразованных крепостников.

Стихотворение «Осторожность» рисует остро сатирически положение писателя в условиях реакции.

Содержание стихотворения «Пропала книга!» дает яркую иллюстрацию того, к чему в условиях царской России приводит суд над писателем и его произведением. Он приводит к уничтожению совсем готовой книги на том только основании, что «она была... резка, смела». С такой мотивировкой поэт не может и не хочет согласиться:

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...

Гибель честной книги по приговору нечестного суда поэт возводит до уровня события всероссийского. Недаром каждый из трех рефренов, завершающих три строфы стихотворения, заканчивается трехстишием, в котором одновременно звучит и искренняя грусть и завуалированный протест:

Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

Судебные преследования печати нашли отражение в сравнительно большой поэме Некрасова «Суд». Подходя к этой поэме как к произведению, органически связанному с «Песнями о свободном слове», прежде всего необходимо подчеркнуть, что и в нем явственно звучит насмешка над той же пресловутой «реформой печати».

Поэма «Суд» представляет интерес как одно из ярчайших разоблачений российского либерализма. Игриво-фельетонный, в высшей степени иронический тон поэмы не нарушает серьезности ее идейного смысла. В ней одновременно наносится сокрушительный удар и по восхваляемой либералами реформе печати и по российскому либерализму вообще.